

К ПРОБЛЕМЕ ГОРАЦИАНСКОЙ ОДЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ («СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ. К АФАНАСЬЮ МАТВЕЕВИЧУ БРЯНЧАНИНОВУ» М.Н. МУРАВЬЕВА)

В статье анализируется стихотворение М.Н. Муравьева «Сельская жизнь. К Афанасью Матвеевичу Брянчанинову» с точки зрения объема, строфической организации, метрики, темы, субъектно-объектного строя, хронотопа. В ходе анализа показана ориентация текста на поэзию Горация и традицию его восприятия русскими поэтами XVIII века. Жанр стихотворения интерпретируется как горацианская ода.

Ключевые слова: Гораций, М.Н. Муравьев, В.К. Тредиаковский, рецепция, жанр, горацианская ода.

Последняя треть XVIII века связана с именем М.Н. Муравьева, выдающегося русского поэта, видного деятеля русского просвещения. Свою литературную карьеру он начал довольно рано: первые оригинальные стихотворения, переложения псалмов и переводы сатир Горация относят к 1769–1772 гг. [1; с. 17]. Поэзия Горация глубоко проникла в творчество Муравьева. Сам он в стихотворении «Прискорбие стихотворца» (1776, 1777) скажет о себе: «Осызаем свежей тенью,/ Ко Горация ученью/ Приклонял свой робкий слух <...>» [2]. Действительно, многие произведения Муравьева содержат мотивы, образы и цитаты из лирики Горация, о чем не раз уже упоминалось в литературоведческих исследованиях. Так Л.Б. Прокопьева отмечает в стихотворении «Избрание стихотворца» реминисценции в содержании и композиции из Оды Горация «К Мecenату» [3], Г.В. Морозова в статье «Гораций в творчестве М.Н. Муравьева» предлагает произведения Муравьева разделить на три группы по степени связи с Горацием: выписки из Горация, реминисценции, переводы и подражания Горацию [4; с. 99].

Г.В. Морозова затронула важную проблему влияния Горация на становление жанров русской лирики (на примере творчества Муравьева): «Особый интерес представляют стихотворения, вошедшие в сборники «Новые лирические опыты» 1776 г. Они могут служить иллюстрацией того, как Муравьев, учась у Горация, шел к созданию нового жанра. <...> в 70-е гг. в переложениях Муравьева Гораций впервые открывается как певец природы, любви, дружества» [4; с. 102–103].

Сама идея ломки жанровых границ в творчестве Муравьева не нова. О том, что русский поэт пробовал себя в создании новых литературных жанров, писала еще Л. Кулакова [1; с. 29]. Жанрам лирики Муравьева уделялось внимание в монографии П.А. Орлова «Русский сентиментализм» [5; с. 109]. А.Н. Пашкуров рассмотрел жанр идиллии в наследии русского поэта [6].

Таким образом, несмотря на достаточное количество исследований по проблеме жанра в поэзии Муравьева, вопрос о жанровой рецепции Горация в его творчестве, в том числе об интересующем нас жанре горацианской оды, по-прежнему остается открытым. В настоящей статье мы проанализируем стихотворение «Сельская жизнь. К Афанасью Матвеевичу Брянчанинову» (1770-е гг.), которому сам поэт не дал жанровых определений, с точки зрения структурных особенностей жанра (объема, строфической организации, темы, субъектно-объектного строя, хронотопа и т.д.). Интерес к проблеме вызван отсутствием каких-либо исследований по данному произведению в литературоведении, а также тем, что оно, являясь самостоятельным стихотворением, в то же время представляет собой интересный конгломерат рецепции самого Горация и русской поэтической традиции восприятия римского поэта. Мы попытаемся показать, что «Сельская жизнь. К Афанасью Матвеевичу Брянчанинову» не только была написана под влиянием римского классика (а именно «2-го эпода»), но и испытала на себе традицию, заложенную еще Тредиаковским в переложении этого эпода Горация¹.

¹ Ранее, в статье «Второй эпод Горация и его рецепция В.К. Тредиаковским» мы писали о том, что Тредиаковский, первый из русских поэтов обратившийся ко «2-му эподу», перевел свое произведение в «сугубо лирическую плоскость», отказавшись от сатирического финала. Именно такая модель стала наиболее продуктивной для русской горацианской поэзии [7], анализ стихотворения Муравьева «Сельская жизнь. К Афанасью Матвеевичу Брянчанинову» это подтверждает.

Объем стихотворения «Сельская жизнь. К Афанасью Матвеевичу Брянчанинову» составляет 32 стиха, написанных 6-стопным ямбом с перекрестной рифмовкой, без деления на строфы пробами. Реминисценции из Горация намечаются уже с начала произведения: Муравьев заимствует главную тему эподы римского поэта – прославление скромной сельской жизни – и рассуждает о ее преимуществах перед соблазнами славы и военной карьеры: «Не слава, о мой друг, не шум оружий бранных – / Жизнь сельская зовет согласия мои» (ср. с Горацием: «Не пробуждаясь от сигналов воинских / Не опасаясь бурь морских, / Забыв и форум и пороги гордые / Сограждан, власть имеющих») [8]. Такая жизнь, сравнимая с первыми днями существования мира, чиста и прекрасна в своей искренности отношений между не испорченными пороками людьми. Эти мысли русский поэт черпает у Горация. «Такие дни текли вселенные в начале, / когда не ведали обманов, ни вражды», «Трудятся, суетно свой ум не бременя» (ср. с Горацием: «Блажен лишь тот, кто, суеты не ведая, / Как первобытный род людской, / Наследье дедов пашет на волах своих, / Чуждаясь всякой алчности <...>»). Заимствование Муравьевым темы и главных мыслей римского поэта дает основание отнести стихотворение к жанру горацанской оды².

Через описание природы, что характерно для поэзии сентиментализма, показан внутренний мир человека, гармония в природе обеспечивает гармонию душевного мира. Можно отметить черты идиллии в изображении природы: поместье и его округа – идиллическое место, где журчат чистые ручьи, мирные равнины и поля устилаются мягкой муравой, а нимфы вяжут венки из васильков. «В долинах, муравой цветущею устланных, / Где Лухта льет тебе прозрачные струи <...> куда ни кинешь взоры, / Повсюду мирное свое владенье зришь». Жизнь здесь плавно течет по кругу – данное понимание цикличности времени заимствовано из «2-го эпода»: «И счастье годовых не ведает времен. / Работы и забав единый круг ка-

тится». Однако это только кажущаяся на первый взгляд простота сельской жизни, показанная русским поэтом. Муравьев значительно усложняет философию уединения Горация, подходя к ней в своей рецепции с позиции сентименталиста. Присутствующее в эподе восхваление сельской жизни и гармонии человека с окружающим миром в противоположность всем человеческим страстям у русского поэта получает традиционную для сентименталистов форму противопоставления города, пагубного для душевного и физического здоровья человека, и деревни. Идиллия оказывается осложнена полемикой между двумя мирами: миром естественным и цивилизованным. «Ах! счастливы стократ, свое коль счастье знают», – восхваляет поэт селян. Они счастливы трудовой жизнью, не задумываются над мирской суетой, не ведают ни «обманов, ни вражды». Здесь «ум» соотносится с цивилизацией, губительным развитием и рассматривается как нечто разрушающее счастье («Трудятся, суетно свой ум не бременя»), лишние размышления, сомнения уводят человека от естественных радостей на лоне природы. И только работа и забавы – «единый круг» не позволяет впасть человеку в праздность и гарантирует ему долгую жизнь без «скуки» (городской хандры) и «здоровье без измен», а значит и настоящее счастье. Тема счастья становится центральной у Муравьева. «Ах! счастливы стократ, свое коль счастье знают! / <...> Соединяя вкус³ с любовью простоты <...>». Такое понимание счастья как гармоничного сочетания труда и отдыха у Муравьева сложилось под влиянием его предшественника Третьяковского (горацанская ода «Строфы похвальные поселянскому житию» появилась в 1752 г., примерно за 18 лет до написания Муравьевым «Сельской жизни»). Именно с этой мысли начинаются «Строфы»: «Счастлив! в мире без сует живущий» [13] и заканчиваются ею: «Счастлив, о! весьма излишно, / Жить кому так ныне удалось. / Дай бог! Чтоб исчезло все, что пышно, / Всем бы в простоте святой жилось».

² Термин «горацанская ода» широко используется в статьях и монографиях, однако в литературоведении нет его четкого определения. Энциклопедии и словари не выделяют его в отдельную словарную статью, а зачастую просто игнорируют за неимением достаточной теоретической базы. К признакам, являющимся значимыми для данного жанра, Н.Ф. Остолопов в «Словаре древней и новой поэзии» относит «философский» («нравоучительный») характер [9; с. 235], С.А. Кибальник в монографии «Русская антологическая поэзия» – воссоздание определенного комплекса тем и мотивов, связанных с Горацием [10; с. 15, 17], Н.Ю. Алексеева в книге «Русская ода» (где впервые подробно рассматривается ранний период становления русской горацанской оды) – воссоздание горацанского духа и формы произведения [11; с. 75].

³ Категории «вкуса» сентименталисты придавали большое значение. Не случайно здесь и упоминание «вкуса» Муравьевым, неоднократно обращавшимся к толкованию этого слова. «Вкус, в понимании Муравьева, – это чувство, с помощью которого воспринимается прекрасное» [12; с. 95].

Субъект представлен притяжательным местоимением 1-го лица «мой», «мой» (1-е соб. по терминологии Левина [14]), которое соотносится с поэтом: «Жизнь сельская зовет согласия мои», с его позиции показана сельская жизнь и все ее достоинства. На протяжении всего текста поэт ведет условный диалог с адресатом, ищет поддержки своей идее о преимуществе чувственного, естественного мира перед соблазнами, рожденными цивилизацией. «Так, Брянчанинов, ты проводишь дни спокойны, / Соединяя вкус с любовью простоты <...>».

Адресатом является А.М. Брянчанинов – главный герой, родственник Муравьева, вологодский помещик [1; с. 332] (грамматическая выраженность – местоимение 2-го лица (2-е соб.) «ты»): «Тебе окружные желтеют жатвой горы». Поэт выносит в название его имя и обращается «мой друг» в строках стихотворения: «Не слава, о мой друг, не шум оружий бранных <...>». Это обращение восходит к жанру послания⁴. Таким образом, главный герой – свободный землевладелец Горация и крестьянин Третьяковского – у Муравьева получает конкретное имя и статус. Смещается акцент с описания труда главного героя: он помещик, не работает физически, а лишь наблюдает за красотами природы («<...> куда ни кинешь взоры»), прогуливается по своим владениям («Поля, где шествуешь <...>») и занимается поэзией («Из лиры своя изводишь гласы стройны / И наслаждаешься хвалами красоты»). Можно отметить наличие объекта, не выраженного местоимением в тексте, подразумевающего сельских жителей: «Ах! счастливы стократ, свое коль счастье знают! / Трудятся, суетно свой ум не бременя <...>».

Описываемая сельская жизнь лишена абстрактности, указывается конкретное место – имение Брянчанинова Фомино около Вологды. Само название поместья хотя и не упоминается, однако в тексте присутствует название реки Лухты (протекающей в этом имении) (географическое, динамическое пространство) (терминология Савельевой [15]). Поместье – своеобразный центр сельского мира, а крестьянские «сени» (помещение между жилой частью дома и крыльцом. – С.С.) ограничивают и заключают в себе мир простых селян: «Никто не странствовал знакомой сени дале».

Можно отметить наличие статического пространства в стихотворении: горы, долины, поля.

Важным становится обращение к прошлому, его идеализация – это еще одна черта лирики сентиментализма. Конструкция «отечески бразды», отражающая преемственность поколений, передачу земли от отца к сыну («И всяк возделывал отечески бразды»), имеет основанием выражение Третьяковского «Плугом отеческим поля орющий»⁵.

Близко для русского поэта оказалось восходящее к Горацию изображение роящихся рабов, отражающее плотную населенность сельского мира. У Горация рабы «как рой» собирались к ужину, толпились вокруг богов, покровительствующих дому, семье («И к ужину рабов, как рой, собравшихся / Вокруг божеств сияющих!»). Муравьев также описывает эту бурную жизнь селян, жизнь в постоянном движении, работе, подобно муравейнику или улью: «Спешат кругом тебя прилежные селяне». Русскому поэту важно было поднять в глазах общества роль естественного человека, крестьянина [5; с. 97], отсюда поэтизация его труда («Железом вооружась блистающих серпов»), и возвышенная лексика (взоры, блистающих, бразды, изводишь и т.д.), и эмоциональный подъем, выражающийся в наличии восклицаний.

Подобно Третьяковскому, Муравьев создает в своем произведении русскую картину мира. Беря во внимание уже упоминаемый нами выше гидроним (река Лухта в Вологодской области), отметим русские реалии жизни: терем (строение), серп, селяне (не рабы, как у Горация), сени, васильки. Третьяковский в «Строфах» передает сложные социальные, родственные отношения между жителями поселения (кум, благодетель), характерные для православного человека XVIII века и отражающие одну из особенностей духовного мира русского народа – соборность. Муравьев тоже идет по этому пути, указывая, что «связи родственны» (наряду с этическим кодексом религии «нужда добрым быть», «смирненные желанья», подчеркивающим качества русских людей) не просто присутствуют в отношениях селян, но и помогают человеку преодолевать все жизненные трудности: «Не заблуждались их смирненные

⁴ П.А. Орлов на этом основании называет стихотворение Муравьева посланием [5; с. 103].

⁵ У Горация также присутствует момент передачи земельного участка по наследству, однако слово «отеческий» (по отношению к полю, уделу) зазвучало и прочно закрепилось именно в русских подражаниях «2-му эподу». После Третьяковского такую форму употреблял Державин в 1798 г.: «Орет отеческий удел», Милонов в 1811 г.: «В отеческих полях работает один».

желанья/ Висканьях пагубных сокровищ и частей,
И связи родственны, и нежны воздыханья,
И нужда добрым быть спасали от страстей».

Итак, объем стихотворения Муравьева составляет 32 стиха, написанных 6-стопным ямбом. Субъектно-объектный строй представлен конкретным лицом – Брянчаниновым («ты», «мой друг»), самим автором («мой», «мои») и сельскими. Художественное пространство заключается в конкретном локусе, художественное время циклично. Мы можем говорить о двойном влиянии на стихотворение Муравьева «2-го эпода» Горация (что проявляется в основной идее произведения, теме, взгляде на цикличность времени и отдельных выражениях) и горацанской оды Третьяковского «Строфы похвальные поселянскому житию» (создание русской картины мира, рассуждение о простоте сельской жизни, конструкция «отечески бразды» и т.д.).

Следует отметить, что несмотря на близость к римскому оригиналу и стихотворению

Третьяковского, «Сельская жизнь. К Афанасью Матвеевичу Брянчанинову» все же принадлежит перу сентименталиста. На первый план здесь выходит противопоставление двух миров (цивилизованного и естественного), поэтизация крестьянского труда, идеализация прошлого, а также тесная связь пейзажа и внутреннего состояния героя. Сам поэт жанровых определений своему произведению не дал. Следуя мнению Н.Ю. Алексеевой, относящей к горацанской оде «в строгом смысле слова песни и канты, строфы которых повторяют строфы од Горация» [11; с. 68], стихотворение Муравьева, написанное 6-стопным ямбом, нельзя было бы причислить к данному жанру⁶. Однако тесная связь с Горацием в основной теме, мотивах позволяет отнести стихотворение «Сельская жизнь. К Афанасью Матвеевичу Брянчанинову» к горацанской оде с вкраплением идиллических зарисовок и элементами послания.

24.08.2010

⁶ «2-й эпод» Горация написан двестишными строфами следующего состава: ямбический триметр с ямбическим диметром.

Список использованной литературы:

- Кулакова, Л.И. Поэзия М.Н. Муравьева [Текст] / М.Н. Муравьев. Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1967. – С. 5-49.
- Муравьев, М.Н. Стихотворения [Текст] / М.Н. Муравьев / Вступ. статья, подг. текста и прим. Л.И. Кулакова. – Л.: Сов. писатель, 1967. – 386 с. (Далее текст цитируется по этому изданию)
- Прокопьева, Л.Б. Ода Горация «К Меценату» (I, 1) в переводе М.Н. Муравьева (1775 г.) [Электронный ресурс] / Л.Б. Прокопьева // «Язык и культура». – Томск, 2008. – №2. – С. 44-60. – Режим доступа <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304/02/image/02-044.pdf>.
- Морозова, Г.В. Гораций в творчестве М.Н. Муравьева [Текст] / Г.В. Морозова // Проблемы жанра и взаимодействие литератур. – Алма-Ата, 1986. – С. 99-103.
- Орлов, П.А. Русский сентиментализм [Текст] / П.А. Орлов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 272 с.
- Пашкуров, А.Н. Эволюция жанра идиллии в поэзии М.Н. Муравьева [Текст] / А.Н. Пашкуров // Филологические науки. – 1999. – №6. – С. 87-92.
- Реутова, С.Н. (Скибина) Второй эпод Горация и его рецепция В.К. Третьяковским [Текст] / С.Н. Реутова // Художественный текст: варианты интерпретации. – Бийск: БПГУ им. В. Шукшина, 2008. – В 2 ч., ч. 2. – С. 61-68.
- Гораций, Квинт Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания [Текст] / К.Ф. Гораций / Вступ. статья и комм. М. Гаспарова. – М.: Художественная литература, 1970. – 480 с. (Далее текст цитируется по этому изданию)
- Остолопов, Н.Ф. Ода // Словарь древней и новой поэзии. – СПб., 1821. – В 3 ч., ч. 2. – С. 230-279.
- Кибальник, С.А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века [Текст] / С.А. Кибальник. – Л.: Наука, 1990. – 269 с.
- Алексеева, Н.Ю. Русская ода: развитие одической формы в XVII-XVIII веках [Текст] / Н.Ю. Алексеева. – СПб.: «Наука», 2005. – 369 с.
- Кочеткова, Н.Д. Литература русского сентиментализма [Текст] / Н.Д. Кочеткова. – СПб.: «Наука», 1994. – 282 с.
- Третьяковский, В.К. Стихотворения [Текст] / В.К. Третьяковский / Вступ. статья С.М. Бонди. – Л.: Сов. писатель, 1935. – 492 с. (Далее текст цитируется по этому изданию)
- Левин, Ю.И. Лирика с коммуникативной точки зрения [Текст] / Ю.И. Левин // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 824 с.
- Савельева, В.В. Пространственно-временная организация художественного мира [Текст] / В.В. Савельева // Художественный текст и художественный мир. Проблемы организации. – Алматы: ТОО «Дайк-Пресс», 1996. – 192 с.

Сведения об авторе:

Скибина Софья Николаевна, аспирант кафедры русской филологии
и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 1106, тел. (3532) 372436
e-mail: sofia-skibina@yandex.ru

Skibina S.N.

To the problem of Horace's Ode in the Russian literary traditions ("Rural life. To Afanasiy Matveevich Bryanchaninov" by M.N. Muraviev)

The author of this article analyzes the poem ("Rural life. To Afanasiy Matveevich Bryanchaninov" by M.N. Muraviev from the point of view of volume, strophic organization, metrics, theme, subjective-objective structure, chronotop. The orientation of the text on the poetry of Horace and tradition of his perception by Russian poets of XVIII century is shown during the analysis. The genre of the poem is interpreted as Horace's Ode.

Key words: Horace, M.N. Muraviev, V.K. Trediakovskiy, reception, genre, Horace's Ode.